

Формы выражения комического в повести С.Д. Довлатова «Заповедник»

Творчество Сергея Довлатова многогранно, что особенно привлекает к нему исследователей. Трудно определить четкие жанровые границы его произведений, так как в рассказах и повестях часто присутствуют элементы документальной прозы (мотивы автобиографизма), репортажа, эссе, юморески. Ряд характерных особенностей авторского стиля можно назвать устоявшимися: это, например, мотив психологизма, исповедальности, принцип документальности и, наконец, мощное комическое начало. Смех, шутки, ирония, анекдот пронизывают повесть С. Довлатова «Заповедник».

Беря во внимание типологические модели по Б. Дземидоку [1: 164], мы остановимся на утверждении З. Фрейда о том, что комизм заключен в самой форме мысли, а не в ее содержании.

Трудно дать исчерпывающую характеристику довлатовскому комизму, так как его источник столь же неформален, нелогичен, как и сама жизнь персонажей повести «Заповедник». Думается, что лучше всего в данном случае подходит именно фрейдовская трактовка комического о доминанте формы над содержанием, хотя и теория контраста и принижения, по И. Канту, также уместны. В этом плане можно предположить, что комичность у Довлатова – это комичность постмодерна, с его плюрализмом и эклектичностью, с его «несерьезностью», по словам В. Руд-

нева [9: 186]. Живя в эпоху, «когда все слова уже сказаны», Довлатов, понимая невозможность достижения истины, к которой стремились его предшественники – русские классические писатели, вообще отказывается решать и признавать проблему поиска жизненной правды.

С. Довлатов считал себя не писателем, а рассказчиком, тем самым как бы отстраняясь от решений и выводов по серьезным жизненным проблемам и включаясь в процесс, именуемый языковой игрой, соглашаясь с Витгенштейном, что истина – это не просто слово; грамматика языка становится трансцендентальным явлением, заведомо неоспоримым писателем, а словоупотребление и синтаксис – полем языковой игры [11: 16, 17].

Языковая игра Витгенштейна, по нашему мнению, служит основой для анализа форм выражения категории комического в повести «Заповедник», помогает показать реальную жизнь, воспринимаемую через призму языковых средств [9: 187]. Весь широкий диапазон использования продуцентом средств языковой выразительности есть результат языковой игры [5; 7; 8]. Комическое начало проявляется в повести нередко, благодаря отступлению от лексических и синтаксических норм. Шутки, остроты, каламбуры, разные виды тропов пронизывают весь текст повести. Довлатов не скрывает, что он серьезно, не по-писательски относится к описываемой действительности, что он «играет в нее», играет роль экскурсовода, а не «работаем им, играет роль мужа, а не является им. Все это находит свое отражение в особо изощренной манере языковой игры, которая, как почти любая игра, является серьезной, а несерьезность уже практически сливается с комизмом, то есть «несерьезность» отношения к жизни диктует и «несерьезность» текста – именно такова схема, по мнению самого писателя. Чтобы определить формы выражения комического в повести «Заповедник», необходимо учесть особенности интеллектуальной среды, в которой формировался Довлатов как писатель, то есть надо сказать о ленинградской смеховой культуре. По словам В. Новикова, у нее есть ряд особенностей, отличающих эту культуру от, например, московской, которая более предсказуема. Разделяя мнение В. Новикова о «редукции смехового начала» ленинградцев [6: 27], авторы приходят к выводу, что редуцированность смехового начала присутствует в художественной организации питерской поэзии и прозы, являясь характерной чертой всего нарратива писателя. Питерское остроумие предполагает преобладание внутреннего над внешним. Комический эффект может возникнуть не тогда, когда его ждут, а часто наоборот. Подобный вид остроумия характерен для тонких анекдотов, поэтому можно утверждать, что в сюжетном плане довлатовская проза

имеет анекдотическую основу. Благодаря этому текст становится динамичным, подвижным, мобильным, и авторская идея выражается особенно четко и емко. Довлатов-рассказчик тонко улавливает специфику анекдота как жанра, тяготеющего к устной речи, для которой характерна краткость, емкость, неожиданность концовки. В рамках этого жанра бытовая история, жизненная ситуация превращается у Довлатова в литературу.

Все вышесказанное как нельзя лучше относится к текстам Довлатова, так как для него характерно остроумие, которое работает не на создание контраста, а на словесное и композиционное единство текста, которое приглушено и растворено в ткани повествования. Комизм является не самоцелью писателя, а побочным, если можно так выразиться, эффектом несерьезности постмодернистской языковой игры. Довлатовское остроумие тонкое, но при этом коммуникативно ясное, нацелено на стирание граней между «высоким» и «низким».

Художественной формой такого остроумия является, прежде всего, тяга к «нисходящей метафоре» и необычным, парадоксальным сравнениям, оксюморонам и зевгмам.

О нисходящей метафоре (термин И.Бродского) Довлатов писал в «Записных книжках»: «*Ее глаза как бирюза*» – восходящая метафора, а «*ее глаза как тормоза*» – это нисходящая метафора» [4: 222]. Немало примеров такого снижения» в тексте повести «Заповедник»:

Друзья, отталкивающие и воинственные, как сорняки [4: 194]. *Одноцветные коровы, плоские, как театральные декорации. Грязные овцы с декадентскими физиономиями вяло щипали траву. Нервной мультипликационной походкой выступали куры* [4: 90]. *Братец выглядел сильно... Купол его был увенчан жесткой и запыленной грядкой прошлогодней травы. Жизнь расстилалась вокруг необозримым минным полем* [4: 181]. *Спала аккуратно, как гусеница* [4: 198].

Надо заметить, что сам Довлатов находил неожиданные сравнения и эпитеты интересными с литературной точки зрения. Отзываясь об одном из персонажей повести, неудачливом писателе Потоцком, он обращал внимание именно на свежие эпитеты: «*перламутровая головка чеснока...*», «*парафиновые ноги стюардессы...*» [4: 208].

Художественное определение предмета у Довлатова предельно отчетливо, ярко. Стилистика прозы выверена до предела, нет случайных или лишних слов. Как известно, писатель не употреблял в пределах одного предложения слов, начинающихся с одной и той же буквы, поэтому эпитеты, сравнения и метафоры – плод кропотливого труда, они выразительны и являются важнейшим художественным приемом писателя.

Понимая всю эстетическую ценность слова как такового, Довлатов не мог смириться с его неправильным, неуместным, неграмотным употреблением. Довольно часто в «Заповеднике» встречаются пародии на речевые штампы, стереотипы пропагандистских лозунгов: «*Диаграммы сулили в недалеком идущем горы мяса, шерсти, яиц и прочих интимностей*» [4: 173]. Некоторые фразы конъюнктурных писателей Довлатов приводит просто как курьезы («*В октябре Мишутко кануло тринадцать лет...*», «*Да будет ему земля прахом, «Не суйте мне белки в колеса...*») [4: 207], используя прямую цитацию как комический прием.

Отдельно надо сказать о диалогах в «Заповеднике», которые во многом абсурдны и также служат приемом реализации комического. Герои, общаясь друг с другом, не слышат собеседника. Их разговоры зачастую просто не логичны, хотя комизм здесь непреднамеренный, это комизм и абсурдность самой окружающей действительности.

В «Заповеднике» не имеют смысла многие реплики. Разговаривающие часто переспрашивают друг друга, их слова вызывают недоразумение, попытки разрешить которое только ухудшают дело. В этом особый трагизм абсурда. Тотальное взаимное непонимание героев показательно: абсурд жизни приводит и к абсурду языковой игры. Абсурдны, анекдотичны и многие ситуации. Прежде всего абсурдность заключается в том, что место действия – заповедник «Пушкинские горы» – абсолютно не соответствует тому, что происходит в жизни героев, служа лишь картонной декорацией, художественным фоном. В этой плоскости особенно видна вся пошлость существования героев, всех тех, кто претендует на служение пушкинским традициям. Например, пошлая реплика кокетничавшей с Довлатовым экскурсовода Натэллы – «*вы человек опасный*» – буквально повторяет слова Доны Анны из «Каменного гостя». А сцена знакомства с будущим шурином, по словам А. Гениса [3: 164], пародирует встречу Дон Гуана с командором: «*Над утесами плеч возвышалось бурое кирпичное лицо... Лепные своды ушей терялись в полумраке... Бездонный рот, как щель в скале, таил угрозу... я чуть не застонал, когда железные тиски сжали мою ладонь*» [4: 227, 228].

Подобные аллюзии роднят довлатовскую прозу с прозой Чехова, которому откровенно подражал Довлатов, считая именно Чехова своим учителем.

Таким образом, можно прийти к выводу, что в основе комического в повести «Заповедник» лежит постмодернистская трактовка действительности, подразумевающая, на первый взгляд, несерьезное к ней отношение и соответствующую языковую игру, реализуемую в особой художественной форме, насыщенной тропами, фигурами, реминисцен-

циями, причем речевая игра свойственна не только автору-нарратору, но и героям. Сюжет повести дробится на ряд анекдотических ситуаций, каждая из которых – микротекст со своей композицией. Такие ситуации «списаны» автором с жизни и являются неиссякаемым источником комического, так как сама реальность, окружающая писателя, кажется ему абсурдной.

Библиографический список

1. Боров Ю. Эстетика. В 2 т. Т. 1. Смоленск, 1997.
2. Власова Ю.Е. Жанровое своеобразие прозы С. Довлатова: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2001.
3. Генис А. Заповедник Сережи Довлатова // Русский журнал. 1998. № 2.
4. Довлатов С.Д. Собрание сочинений: в 4 т. Т. 2; сост. А.Ю. Арьев. СПб., 2000. 496 с. С. 169-277.
5. Ковалева Т.Н. Путь по воле Бога в романе И.А. Бунина «Жизнь Арсеньева» // Проблемы исторической поэтики. Т. 15. № 2. Петрозаводск: Издательство ПетрГУ, 2017. С. 127-140.
6. Новиков В. Питерская смеховая культура глазами москвича // Сергей Довлатов: творчество, личное, судьба (итоги Первой международной конференции «Довлатовские чтения»); сост. А.Ю. Арьев. Звезда, 1999.
7. Петренко А.Ф., Петренко С.А. Парадоксальные афоризмы как смеховой корректив серьезных сентенций // Казанская наука. 2018. № 12. С. 188-192.
8. Погорелова И.Ю. Авторская стратегия в метапоэтическом дискурсе русской литературы // Актуальные направления научных исследований XXI века: теория и практика. 2015. Т. 3. № 1 (12). С. 320-325.
9. Руднев В. Словарь культуры. М., 1997.
10. Фрейд З. Остроумие и его отношение к бессознательному. М., 1999.
11. Цидин А. Проблема достоверности в концепции «языковой игры» Л. Витгенштейна. Томск, 2000.